

ПРОСТО БАБОЧКА ИЛИ МОЯ МЕРТВАЯ СЕСТРА?

На протяжении восемнадцати лет сросшиеся брови спасали меня от продажи, а значит, от мучительной, ужасной смерти.

Сегодня я освобождаю брови от их милосердных услуг.

Вообще-то не я. Это Ичжи орудует пинцетом, который оставила моя сестра. Упираясь коленями в бамбуковую циновку, расстеленную на сырой лесной земле, мой друг держит меня за подбородок и выдергивает волосок за волоском. Кожа моя горит, словно ее медленно поджаривают. Иссиня-черные пряди его уложенных в прическу волос шуршат при каждом движении, скользя по бледному шелку его одеяния. Мои собственные волосы, значительно менее ухоженные, закручены в пучок и подвязаны рваной полоской ткани. Благодаря этой засаленной тряпочке пряди не падают мне на лицо.

Все это время я напускаю на себя невозмутимый вид. Но моя ошибка в том, что я слишком долго вглядывалась в деликатные черты Ичжи, стараясь запечатлеть их в памяти, чтобы было за что ухватиться в последние дни моей жизни. Желудок сжимается, что-то жаркое давит изнутри на глаза. Я зажмуриваюсь, пытаюсь загнать слезы назад,

но получается ровно наоборот — они прорываются на свободу. Да, так оно всегда и бывает.

Конечно, Ичжи их замечает и останавливается, чтобы выяснить, что случилось. Хоть у него и нет никаких поводов считать, что слезы — нечто большее, чем реакция на насилие над моей кожей.

Хоть он и понятия не имеет, что это наша последняя встреча.

— Ты в порядке, Цзэтянь? — шепчет он. Держащая пинцет рука застывает в воздухе, пропитанном паутиной брызг. Неподалеку от того места, где мы прячемся под низкорослыми деревьями, струится водопад, и стремительно несущийся поток заглушает наши голоса, мешая посторонним нас обнаружить.

— Была бы в порядке, если бы ты не останавливался то и дело. — Я закатываю припухшие глаза. — Давай уже. Не обращай внимания, прорвемся.

— Хорошо. Ладно.

Нахмуренный лоб разглаживается, лицо расцветает улыбкой, способной сломить меня окончательно. Ичжи вытирает мои глаза рукавами своих элегантных шелковых халатов, надетых один на другой. Это рукава богатого человека, слишком длинные и свободные, слишком непрактичные. Я подшучиваю над ними при каждой нашей встрече. Впрочем, справедливости ради, Ичжи не виноват в том, что его отец не позволяет ему и двадцати семи его братьям и сестрам покидать дворец, если они не наряжены в дорожную брендовую одежду.

Ясный солнечный свет, пробившийся после многодневных дождей, изливается на наш тайный мирок, состоящий из влажного тепла и пляшущей листвы. Бледные руки Ичжи укрыты лоскутным покровом из света и тени. Острые и яркие запахи весенней зелени такие насыщенные, что, кажется,

их можно черпать ложкой. Колени Ичжи — он даже на коленях сидит благопристойно и чопорно — держатся на крохотной, но непреодолимой дистанции от моих небрежно согнутых ног. Его роскошный наряд до нелепого контрастирует с моим — поношенной туникой и брюками из грубой домотканой материи. До нашей встречи я и представления не имела, что ткань может быть такой белой и мягкой.

Он начинает выщипывать быстрее. Это и правда больно, словно моя монобровь — живое существо, по кусочку раздираемое на две половины. Так что если я снова расплачусь, это не вызовет подозрений.

Мне не хотелось просить помощи у Ичжи, но я знала, что не смогу встать перед зеркалом и выщипать брови сама. Я думала бы только об одном человеке — моей старшей сестре, Жуи, а это очень больно. Я стану слишком похожа на нее без этой растительности, снижающей мою рыночную стоимость.

К тому же я себе не доверяю, ландшафтные работы — точно не мой конек. У меня ни за что не получились бы одинаковые брови. А с разными бровями — кому я нужна? Никто не завербует меня на неизбежную смерть.

Я пытаюсь отвлечься от жгучей боли, уткнувшись в планшет, лежащий на коленях Ичжи, и пролистывая заметки, которые он сделал в школе за месяц после нашей предыдущей встречи. Каждое прикосновение к экрану — действие еще более предосудительное, чем наше тайное свидание в приграничных горах среди зелени и весеннего тепла, чем тот факт, что мы вдыхаем один и тот же пахнущий землей, дурманящий воздух. Старейшины в моей деревне говорят, что девушкам нельзя прикасаться к этим божественным устройствам, поскольку мы оскверним их своей порочной женственностью или чем-то таким. Только благодаря богам в небесах технологии вроде этих планшетов были восстановлены после веков забвения. Но мне плевать на старейшин и на богов. Если они не уважают меня только за то, что

я оказалась в «неправильной» половине населения, то и я не намерена их уважать.

Экран сияет, как луна, на фоне затененного листьями халата Ичжи, прельщая меня знаниями, которые мне иметь не полагается, знаниями, пришедшими из мира за пределами убогой горной деревушки. Искусство. Наука. Хундуны. Хризалиды. У меня руки чешутся от желания придвинуть планшет поближе, но и он, и я должны оставаться на своих местах. Конус неоновых света изливается из выемки на планшете, проецируя на мое лицо идеальные брови. Ичжи и его потрясающие городские технологии никогда не разочаровывают. Я солгала, что семья выдала мне «последнее предупреждение» по поводу моноброви, и мой друг настроил эту штуку всего за несколько минут.

Интересно, как сильно он меня возненавидит, узнав, в чем помог мне на самом деле.

С веток на наши головы падают капли. Одна скользит по щеке Ичжи. Он так погружен в работу, что не замечает этого. Я смахиваю костяшками пальцев влажный мазок с его щеки.

Он испуганно распахивает глаза. Его холеная, почти прозрачная кожа заливается краской.

Не в силах сдержаться, я улыбаюсь. Расправляю ладонь, прикасаюсь к нему кончиками пальцев, подмигиваю.

— Ну как там? Мои брови неотразимы?

Ичжи раздражается смехом — более громким, чем обычно, потом прикрывает рот рукой и оглядывается, хотя мы надежно укрыты.

— Прекрати, — произносит он тише, избегая моего взгляда. Смех становится легким, как перышко. — Не мешай работать.

Его щеки наливаются румянцем все больше и больше, и меня охватывает чувство вины.

«Скажи ему», — умоляет мой мозг.

Но я лишь опускаю руку как можно небрежнее и переключаюсь на новый раздел его школьных заметок — статистический анализ динамики хундунских атак.

Я не подвергну опасности свою миссию, рассказав о ней Ичжи. Что бы он ни думал о наших отношениях, я не принимаю их слишком всерьез — это было бы ошибкой. Он сын самого богатого человека в Хуася, а я обычная девушка из приграничья, которую он встретил случайно, в поисках самого тихого и отдаленного места, куда можно добраться на планоцикле. Если нас застигнут, это не его затолкают в клетку для свиней и утопят во имя семейной чести. И не важно, что мы никогда не переступали черту, которую переступить нельзя.

Мое внимание переключается на его губы, взгляд скользит по их нежным изгибам, и я вспоминаю, как однажды с восхищением сказала ему, что они выглядят необычайно мягкими. Он признался, что такой эффект получается благодаря четырехступенчатой процедуре отшелушивания и увлажнения, и я расхохоталась до слез, а потом прикоснулась к его губам, и вдруг оказалось, что я уже не смеюсь, а просто смотрю в его глаза и стою слишком близко.

Тогда я немедленно отстранилась и сменила тему.

Какая-то беззащитная, уязвимая часть моего существа тоскует о том, что никогда не случится между нами. Но я не могу и не пытаюсь исключить вероятность, что для Ичжи это не более чем игра. Что я не единственная крестьянская девушка, которую он навещает в свободные дни. Что, наигравшись со мной, он не запахнет свои безупречные халаты и не рассмеется мне в лицо. Не рассмеется над тем, что ему удалось одурманить меня нежными улыбками и проникновенным шепотком, хотя для меня это вопрос жизни и смерти, а для него значит так мало.

Может, моя осторожность возбуждает его еще больше, именно поэтому он появляется в конце каждого месяца вот уже три года.

Может, я никогда не узнаю его истинных побуждений. Ну и не надо. Пока я не поддаюсь собственным чувствам, я в этой игре не проиграю.

Впрочем, будем реалистами: даже если вся деревня наткнется на нас в эту самую секунду, меня не утопят. Я наконец выполняю желание моих родичей: навожу красоту, чтобы они могли продать меня в армию на роль пилота-наложницы. Как они сделали с моей сестрой.

Разумеется, они не знают о моих грандиозных смертоносных планах.

Ичжи переключается на нижний край моих бровей, а мой палец висит над изображением битвы между хризалидой и хундуном. Хризалида — Белый Тигр — пропорционально сложенная, яркая, никогда не догадаешься, что она сделана из оболочки округлого, лишённого черт хундуна. Она изображена в своем Геройском Облике — высшей форме трансформации — и выглядит как человекоподобный тигр, сделанный из гладкого, молочно-белого стекла. Части, из которых состоят доспехи, обрамлены сияющими зелеными и черными каемками, размытыми, потому что хризалида поймана на снимке в движении — поднимает свой гэ¹ размером с дерево. Белый Тигр — фаворит в армии, его часто используют для рекламы, а мне смотреть на него даже утешительно. Юноша и девушка, которые им управляют, — Слаженная Пара. В их случае невелик риск того, что разум юноши поглотит разум девушки и убьет ее по окончании битвы.

¹ Гэ — один из видов колюще-рубящего древкового оружия, которое использовалось в Древнем Китае. Состоит из кинжалообразного лезвия из нефрита, бронзы, а позднее из железа, прикрепленного под прямым углом к деревянной рукоятке. Похож на косу или ледоруб.

В отличие от судьбы девушек-пилотов в большинстве других случаев.

Я боялась, что именно такая смерть настигнет мою старшую сестру, когда наша семейка заставила ее завербоваться в качестве пилота класса «Принц» — второго по мощности в табели о рангах. Но она даже не добралась до поля битвы. Пилот убил ее обычным, физическим способом. Не знаю за что. Семье вернули только ее прах. И вот уже восемьдесят один день они страшно горюют... потому что не получили крупную компенсацию за смерть в сражении. А ведь они так на нее рассчитывали.

Забавно. Старшую всю жизнь окружали заботой.

«Когда Жуи выйдет замуж?»

«А может, лучше пусть завербуетесь в армию?»

«Ох, не слишком ли долго Жуи просидела на солнце? Что-то она потемнела».

Но с того самого момента, как пришла весть о ее смерти, они перестали о ней вспоминать. Никто даже не спросил, что я сделала с прахом. Только Ичжи и я знаем, что ее прах унес ручей, около которого мы сидим. Это наша маленькая тайна — между ним, мной и ею.

Подняв глаза, я замечаю настоящую хризалиду бабочки, свисающую с ветки за спиной Ичжи. Боевые хризалиды названы так в их честь, потому что, как говорят, погибшие пилоты перевоплощаются в бабочек. Если это так, надеюсь, вот эта бабочка — не моя сестра. Надеюсь, она ушла далеко-далеко — туда, где до нее не дотянутся деревенские старейшины, сплетники, всюду сующие свой нос, и подонки пилоты.

Нарождающаяся бабочка вот уже некоторое время пытается выбраться из куколки, шевелясь под ее поверхностью. Наконец ей удастся прорвать оболочку. Вылезает головка, потом выскакивает покачивающийся усик. И в торжественном финале она выкарабкивается из куколки вся, как распустившийся цветок.

В наших лесах бабочки — обычное явление, так что в этом зрелище нет ничего особенного.

Но когда она расправляет крылышки, я замечаю, что рисунки на них разные.

— Ничего себе! — Я выпрямляю спину.

— Что? — Ичжи оглядывается через плечо.

— У этой бабочки разные крылья!

Ичжи удивленно хмыкает, а значит, такая бабочка — не типичное явление, о котором я не знаю только потому, что я простая приграничная крестьянка.

— Брови готовы, — сообщает он и поднимает планшет, чтобы снять бабочку на видео.

Наши глаза нас не обманули. Одно крыло черное с белой точкой, а другое белое с черной точкой — как символ иньян. Эти бабочки так и называются, но я никогда не видела, чтобы на их крыльях были одновременно инь и ян.

— Как такое возможно? — Я глупо таращу глаза.

— Ты знаешь, что делать, когда у тебя появляются вопросы, — с улыбкой отвечает Ичжи.

— Поняла, сейчас поищу.

Я открываю в планшете поисковик, как научил меня Ичжи. Пользоваться им несложно — нужно просто ввести ключевые слова моего вопроса. Но ошеломляющий результат не укладывается в голове. Всего лишь пара прикосновений — и ты получаешь доступ ко всем знаниям, которые городские ученые воссоздали из таинственных инструкций, сбрасываемых богами в обмен на достаточно большую дань.

Я сосредоточенно прищуриваюсь, просматривая научные статьи, появившиеся в результатах поиска. Читать их гораздо сложнее, чем школьные записи Ичжи, но я твердо намерена разобраться сама.

— Похоже, если у бабочки разные крылья, то она одновременно и самец, и самка. — Я изумленно распахиваю глаза. — Так бывает?

— О да, в природе биологический пол имеет множество вариаций. — Ичжи устраивается рядом со мной на бамбуковой циновке, подобрал полы халатов, чтобы они не лежали на серой земле. — Встречаются даже существа, которые меняют пол в зависимости от своих потребностей.

— Но мне говорили... — Я смаргиваю. — Мне говорили, что самки являются самками потому, что их изначальное ци базируется на инь, а самцы являются самцами потому, что их изначальное ци базируется на ян.

Инь и ян — противоположные силы, которые, смешавшись, породили Вселенную. Инь представляет все холодное, темное, медленное, пассивное и женственное. Ян представляет все горячее, светлое, быстрое, активное и мужественное.

По крайней мере, так мне говорила мать.

Ичжи пожимает плечами:

— Думаю, нет ничего окончательно застывшего. В ян всегда присутствует немного инь, и наоборот. Это отражено в самом символе. Я тут подумал и вспомнил, что иногда рождаются даже люди вроде этой бабочки, их пол невозможно определить.

Я распахиваю глаза еще шире.

— И в каком кресле будет сидеть такой человек, если станет пилотом?

В каждой хризалиде кресла расположены одинаково. Девушки садятся в нижнее, инь, а юноши позади них в сиденье, расположенное повыше, — ян — и обхватывают напарниц руками.

Ичжи барабанит пальцами по циновке. Его тонкие брови задумчиво сдвинуты.

— Наверное, в кресле того пола, который им ближе?

— И что тогда? В какой-то момент кресло перестанет работать? — упорствую я. — Нам же говорят, что система управления строится на различиях между полами. Разве

пилотирование идет не из психики? Тогда почему всегда жертвуют только девушками?

— Я... я не знаю.

Я склоняюсь над планшетом, ища обоснованный ответ, но наталкиваюсь на красный предупредительный баннер: ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

— Ты не найдешь в открытых источниках ничего, связанного с конструкцией хризалид. Нельзя допустить, чтобы люди строили их самовольно.

Ичжи забирает у меня планшет.

Я отдаю его без сопротивления и устремляю взгляд на бабочку с крыльями инь и ян.

Женщина. Этот ярлык не дает мне ничего, кроме подчиненного положения, когда мне диктуют, что можно, а что нельзя. Никуда не выходи без разрешения. Не носи открытую одежду. Не разговаривай слишком громко или нелюбезно, вообще помалкивай, когда говорят мужчины. Вся жизнь думай только о том, насколько ты приятна глазу. Никакого будущего, знай рожай мужу сыновей или умри в хризалиде, отдав всю свою энергию кому-то другому, к вящей его славе.

Все мое существо словно бы сковано слишком тесным коконом. Будь моя воля, я бы жила подобно этой бабочке — так, чтобы посторонним было нелегко навесить на меня немудреный ярлык.

— Ичжи, а ты веришь, что девушки от природы предрасположены к самопожертвованию? — бормочу я.

— Ну, это вряд ли. Ты вот девушка, но тебя ни за что не заставишь пойти на жертвы.

— Эй! — Сквозь мрачную задумчивость прорывается смех.

— А что? В чем я не прав? — Он упирается ладонями в бедра.

— Ладно, ладно! Ты прав. — Мое лицо растягивается в широченной улыбке.

Но потом кончики моего рта опускаются.

Я не хочу жить и страдать ради кого-то другого. Я погибну, мстя за сестру.

Ичжи улыбается, ничего не заметив.

— Впрочем, честно говоря, нет ничего плохого в том, чтобы ценить свою жизнь. Бороться за то, чего ты хочешь. По-моему, это достойно восхищения.

— Ого, — вяло фыркаю я. — Тебя настолько околдовали мои новые брови?

Ичжи смеется.

— Мне не хватит храбрости солгать тебе, а потому вынужден признать — ты действительно похорошела. В общепринятом смысле. — Его улыбка смягчается. Глаза вспыхивают в лоскутных тенях, как ночные пруды, в которых отражаются звезды. — Но ты все та же Цзэтянь, которую я знаю. По-моему, ты самая сногшибательная девушка в мире, как бы ты ни выглядела.

По моему сжавшемуся сердцу пробегает трещина.

Я не могу. Я не могу уйти, не сказав правду.

— Ичжи, — произношу я голосом темным, как дым.

— Прости, кажется, я... О нет. Это было слишком? — Он испускает смущенный смешок. — Насколько неуютно ты себя почувствовала по шкале от одного до...

— Ичжи. — Я хватаю его за руки, словно это поможет подготовить его к тому, что сейчас произойдет.

Он умолкает, озадаченно глядя на наши сомкнутые руки.

И я решаюсь:

— Я завербовалась в наложницы к пилоту.

Он роняет челюсть.

— К какому пилоту?

Я открываю рот, но не могу выплюнуть имя этого ублюдка.

— К тому самому.

Он заглядывает мне в глаза.

— Ян Гуану?

Я киваю. На моем лице не осталось и капельки тепла.

— Цзэтянь, он убил твою сестру!

— Именно поэтому. — Я отпускаю руки Ичжи и вытягиваю из волос длинную деревянную шпильку. — Я стану его наложницей, прекрасной и пылкой. А потом, — я разбираю шпильку, демонстрируя острый наконечник, спрятанный внутри, — перережу ему горло, пока он спит.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

